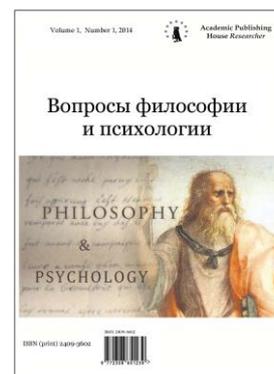

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018, 5(1): 12-23

DOI: 10.13187/vfp.2018.1.12
www.ejournal20.com

Globalization and its Historical Forms. Social and Philosophical Interpretation

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyses the socio-philosophical meaning of the term «globalization», the diversity of historical forms of globalization humanity. One of the last and most successful historical forms of globalization was the «Euro-Atlantic» unification model of humanity, dubbed the «westernization». But the future of globalization is not associated with the inevitable westernization of the «second» world. The current wave of globalization induces major regional powers to produce their own, cultural and other forms of global strategies to prevent its spread in the form of «westernization».

Keywords: globalization, westernization, integration, Empire, modernization, nation, nationalism, national State, social philosophy.

Введение

На протяжении последних лет тема глобализации и ее последствий остается в центре самых оживленных дискуссий. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование «транс», «интер» и «над» национальных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но глобализация пока идёт таким образом, что не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для стран «большой семерки» во главе с США для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»? Какой выбор сделают страны? Точный ответ, разумеется, даст будущее. А в данной статье, проанализировав основные интерпретации термина и уточнив социально-философское понимание глобализации, снимающее односторонность многих подходов, я попытаюсь показать, что нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридации». В теоретическом плане решение этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации.

* Corresponding author
E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin)

Основное содержание

Невзирая на то, что термин глобализация стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х годов, уже спустя десятилетие был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в её реальности. С тех пор ситуация не изменилась. По существу, каждый автор вкладывает в этот термин собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности автора. Поэтому любая серьезная попытка писать о глобализации должна, по мнению Р. Робертсона и Х. Хондкера, включать в себя анализ сходства и различия между дискурсами о глобализации (Робертсон, Хондкер, 2004). Но в корпусе работ, посвященных глобализации, эти дискурсы оказались переплетены так тесно, что произошла идеологическая абсолютизация концепта глобализации, с помощью которого, зачастую, пытаются объяснить все значительные изменения в современном мире, предварительно не выяснив сущности этого исторического феномена.

В отечественной литературе эта тенденция была замечена В.Л. Иноземцевым, остроумно сравнившим «теорию глобализации» с религиозной доктриной: «поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу» (Иноземцев, 2004: 58). К числу таких принципиальных проблем автор справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которая, по его мнению, на самом деле есть ни что иное как «вестернизация» – начавшая с середины XV в. «экспансия «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели» (Иноземцев, 2004: 60).*

Оставляя пока в стороне вопрос о наличии «теории глобализации» и продуктивности отождествления «глобализации» с «вестернизацией», обратим внимание на реальные эпистемологические затруднения, возникающие в связи с возможностью ее существенно разных дисциплинарных и междисциплинарных (комплексных) трактовок. Своеобразие которых, в свою очередь, объективно обусловлено, с одной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира (НКМ), а с другой, – конкурентоспособностью различных концептуализаций истории человечества, в пределах которых вопросы о «движущих силах» и «субъектах» глобализации либо элиминируются, либо интерпретируются различным образом.

Так, используя идеи «универсального эволюционизма» и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной НКМ, «глобализацию» истолковывают, например, как «объективную эволюцию геобиосоциосистемы» (Чешков, 2005: 407),[†] или – как «целевую функцию» нелинейного процесса самоорганизации «социальной системы» в «суперсложный организм – Мегасоциум», который, будучи «представлен локальными социальными организмами (социумами)», в свою очередь, «имеет идеальную программу жизненного цикла»: «проходит стадии зарождения, роста и умирания» (Азроянц, 2002: 65, 66, 248, 250). В границах этой, как многие считают, новой парадигмы исторического знания, глобализация человечества интерпретируется как этап «универсальной» или «глобальной истории», имеющих циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется почти во всех крупных работах, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте «универсальной истории» пока немного и они неудачны. Не только из-за метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, но и из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики (См., например, Синергетика..., 2006: 27, 31-33), так и проблемы «универсальной эволюционизма», которую, не без оснований, считают метафорой для «обозначения

* Процесс глобализации, отмечает В.Л. Иноземцев, не может быть описан строгой теорией, поскольку глобализация «основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции, неизвестные ее «архитекторам» (Иноземцев, 2008: 37).

[†] Правда, в другой статье автор в контексте философского исследования определил глобализацию «прежде всего как объективный исторический процесс, сопряженный с борьбой различных интересов» (Чумаков, 2012: 14).

традиционной философской проблемы», «исследовательским проектом» постнеклассической науки, философские и научные основания которого «далеко еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются» (Казютинский, 2006: 93-94). Поэтому большинство исследователей предпочитают работать в пределах традиционных – социологических – истолкований истории человечества, в границах которых глобализация понимается либо как *одна из нескольких*, противостоящих друг другу, *тенденций истории*, либо как *одна* – результирующая – *тенденция исторического развития*.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями как «локализация», «национализация» и «регионализация», ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий,порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти» (Хелд и др., 2004: 19).^{*} Во-втором случае по сути тот же самый процесс – изменение пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо «сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий и отношений между народами и государствами – интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности). На роль главных детерминант процесса глобализации исследователи выбирают: 1) развитие науки и техники, «техносферы» (техницистский подход); 2) развитие экономической (капиталистической), политической или культурной «мир-системы» (миросистемный подход); 3) распространение (столкновение) «культур» и «цивилизаций» (социокультурный подход); или 4) «модернизацию» обществ по линиям: «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются. Но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – евро-атлантической – модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «Центр» и отсталую «Периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации: ее первый этап обычно относят к «долгому XVI веку» (И. Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами, второй – к XIX столетию – веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX века: эпохе НТР и международных организаций (Валлерстайн, 2003; Пантин, Лапкин, 2006; Спикер, 2003). Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции (Чешков, 1999; Чешков, 2008: 8) или Осевому времени (Хачатурян, 2002: 235-236). В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически – волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций» (Пантин, 2003: 6).

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих, наиболее распространенных трактовок и периодизаций глобализации. Многие из них, как уже отмечалось, интерпретируют глобализацию как некий спонтанный, самоподдерживающийся процесс, исходят из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. Но все они будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как *мегатенденцию к объединению* цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе *разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность*, реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь во время снимать обычные в таких случаях абсолютизации и избегать объективизма. Лучшим

^{*} Под «потоками» авторы понимают «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени», а под «структурами» - «отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти». [Там же].

лекарством от которых была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы.

Точка зрения социальной философии и, шире, философии истории, определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения исторических событий в контексте диалектико-деятельностного единства Бытия и Сознания. В контексте нашего исследования это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе взаимодействия разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам письменная история человечества это не только *история внешних взаимодействий и отношений* (в том числе господства и подчинения) *между* объединенными в малые и крупные, социальные, политические и социокультурные целостности индивидами – «обществами» (социумами), «государствами» и «цивилизациями», но и «внутренняя» история возникновения, развития и исчезновения этих государств, обществ или цивилизаций. Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированы от своей феноменальной данности и одна от другой, они существуют как независимые «истории» в пределах различных дисциплинарных онтологий. Но в действительности метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны. Как невозможно внесоциальное, в широком значении термина, существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, *глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к становлению и последующему объединению человечества*, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (т.е. культурно и политически связанных) целостностей. То есть *не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект), но и как сопутствующая и детерминирующая этот процесс предметно-практическая и духовная организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этноты», «нации»), государства и цивилизации индивидов*. Соответственно источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности (интересы) объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировало их распространение в пределах и за пределы регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Сформулированное таким, социально-философским, способом понимание глобализации как мегатенденции к становлению и объединению человечества – предельно общая, но совсем не пустая абстракция. Она не только учитывает оба значения термина «глобальный», восходящих к латинскому *globus* (планетарный) и к французскому «*global*»: «всеобщий», «всемирный». Но и способна нейтрализовать представление о «бессубъектности» этого процесса и хотя бы отчасти устранить почти повсеместную редукцию глобализации к экономической, политической или какой – то другой из многих сторон («составляющих») исторического процесса.

В качестве мегатенденции истории человечества, способом существования которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидов, глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий

между ними. Поэтому ее можно рассматривать как совокупность процессов «экономической» (торговой, финансовой, производственной и др.), «политической» (военной и дипломатической) и/или «культурной» (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и разные исторические эпохи.

Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов: учитывать, что в длительной исторической ретроспективе *глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друга друга исторических форм*. Источником которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств и цивилизаций, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними* и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни. Обобщая можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе становящееся единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и «эстафетностью» (М. Розов) бытия и сознания образующих ее антропологических целостностей. Не претендуя на полноту, рассмотрим характерные черты этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на собственно социальной и политической его компонентах.

Предыстория глобализации человечества уходит в глубокое прошлое. Известная нам антропоистория представляет собой двуединый биосоциальный процесс *эволюции и распространения вида homo sapiens по планете*, сопровождавшийся его антропобиометрической (расовой, внутрирасовой) дифференциацией, и *трансформации этого вида в «человечество»*. Развитие которого, в свою очередь, было связано не только с увеличением его численности и географического пространства жизни, но и с перманентным усложнением и увеличением разнообразия форм целесообразной осознанной жизнедеятельности, процессами социальной, экономической, политической и социокультурной интеграции – образования все более сложных и географически более обширных социумов, культур и цивилизаций, постоянно рождающих новые линии политических, экономических, культурных и иных дифференциаций.

Выделение человека из природы и его победа в конкурентной борьбе с животными и гоминидами были обусловлены не только изменением способов производства материальных благ, но и трансформацией духовно-практических форм производства и организации социальной жизни. Первоначально связанных, по-видимому, с неререфлексивным осознанием базовой потребности в общении и сосуществовании вместе с другими людьми, в развитии отношений родства (семьи), кооперации и солидарности, осуществляемым на основе закрепленных устной коллективной памятью категорий очевидности (Кармадонов, 2005: 56). Так или примерно так на заре человечества формировалось общее социальное пространство совместной жизни людей в составе первых человеческих обществ (социумов), целостность которых обеспечивалась общими для них неинституциональными нормами общежития.

Вектор последующей трансформации социальных целостностей во все более крупные (пространственно и численно) общества и их союзы был связан с расширением поля контактов между лингвистически и культурно разными социумами, становлением и развитием письменности, универсальных (логических) форм и категорий мышления. Абстрагирующая сила которых, вместе с продуктивной способностью воображения, глобализировала сферу представлений о взаимосвязях людей с окружающим Миром, помещая их в сферический пространственно-временной континуум совместной с Богами жизни. Так поверх всех локальных социокультурных различий в теогониях и мифопоэтических традициях выстраивалась символическая связь времен, формировалась

* Выражающееся в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций.

идея происхождения изначально единого «человечества», которая затем, в так называемое Осевое время (между 800–200 гг. до н.э.), обрела широкое распространение, оригинально трансформировавшись в различных религиозных и философских учениях, заложивших основы последующих глобальных (мировых) культур, религий и цивилизаций. Именно в этот период усилиями первых греческих философов, иудейских пророков, основателей зороастризма в Иране, буддизма и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае формировалась идея глобальности мира, единства человечества и личной ответственности индивида за существование и сохранение анонимного мира-бытия. Впоследствии эта идея была подхвачена и своеобразно развита сначала христианством, а затем исламом. Параллельно и вместе с развитием глобализирующих мир и человечество философских и религиозных представлений шел интеллектуальный поиск политических и правовых форм совместной жизни.

Начиная с Неолитической революции, вся известная нам история вида *homo sapiens* – это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство: территории проживания и сосредоточенные на этих территориях, в том числе и человеческие, ресурсы. Удержать которые достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь организовав *общее* экономическое и политическое *пространство совместной жизни* для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных (для них) норм общежития. Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства. В пределах которых и помимо непреднамеренных культурных диффузий, сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной «бюрократии» осуществлялась ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно *гомогенные социальные целостности*: территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в «общества» (племена, союзы племен, этносы и нации) группы людей, эмоционально-символически и концептуально идентифицирующие себя как одно целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий. Следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус «мировых» ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею «человечества» и его антропобиологического единства – субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение «человечества» в глобальную целостность – философски и политически фундированным «проектом» (Гранин, 2007; Гранин, 2014а).

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием *интеграции* внутри и между большими и малыми, традиционно и политически организованными, культурно разными социумами. Конкуренция между которыми неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо распадам прежних целостностей, влекущими за собой очередную реконфигурацию внешнего (международного) пространства отношений между интегрированными в социумы индивидов. По сути дела *социально-политическая история глобализации* – это история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в *региональную историю* древних и средневековых

этнических государств и империй, а затем – и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но и создавшими новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб.

В контексте нашего обсуждения учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение. Подчеркивающее ограниченность построения западоцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий, сопутствующими ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к формированию капиталистической «миросистемы» и последующей вестернизации Мира. Именно вестернизация, считают авторы этих концепций, – единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так.

Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX – середины XX столетий. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной. Поскольку она основывается на двух, достаточно спорных, гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения «центра» мирового развития с Востока на Запад, и идее «однополярного мира», разделенного на экономически, научно-технически, военно-политически и культурно доминирующий «Центр» (Запад) и «догоняющую», стремящуюся интегрироваться в него, «периферию» (Восток, Азия). Эти идеи, в свою очередь, опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII–XIX столетиях особой традиции европейского мышления, получившей в 1970–1980 годах в трудах арабомусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов название «ориентализма».

Эта свойственная всей европейской культуре (и, как считают, не преодоленная до сих пор) традиция бинарного, культурно-оценочного противопоставления «энергичного», «свободного» и «цивилизованного» Запада «ленивому», «сонному» и «рабскому» Востоку стимулировалась и поддерживалась двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и (в меньшей степени) Америки. В ходе которой выковывалась «европейская идентичность» Белого человека, формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Так первоначальное географическое разделение мира превращалось в геополитическое, обрастало культурными смыслами и, проникая сначала в европейскую историографию и историософию, а затем и в антропологию, этнологию, психологию, в конце концов сделало ориенталистский (западоцентричный) подход к изучению иных народов и цивилизаций чем то само собой разумеющимся. Специфика ориентализма, считают его исследователи, заключается в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком или Азией как таковыми, с их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» – системой их репрезентаций (представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях), которые сам для своих нужд и создал (Саид, 2006: 78–114).

Солидаризуясь с этим наблюдением, добавлю, что и «Восток» всегда имел и имеет дело не с Западом «как таковым», а его многочисленными «репрезентациями», в пределах которых, особенно в последние годы, Запад оценивается отнюдь не лучшим образом. Да и вообще тезис о соотношении презентаций и репрезентаций в научном исследовании требует глубокой проработки. Поэтому отдавая должное исследованиям ученых – реориенталистов,

результаты которых обогатили науку новыми фактами и обобщениями, не следует впадать в крайности «оксидентализма»* и перемещать «центр» прошлого (и современного) глобального развития из Европы в Азию. «Белые» мифологии† ничуть не лучше «желтых», а «востокоцентризм» и «азицентризм» не лучше «евро» и «западо» центризм. Предпочтительнее, снимая односторонность и цивилизационную «нагруженность» дискурса о глобализации, опираться на весь массив исторических знаний. Которые свидетельствуют о том, что «центр» и «периферия» постоянно менялись местами и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История – нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и *глобализация как одна из ее тенденций была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных «цивилизационных» (социокультурных) и политических моделей.* Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала «империя» (Гранин, 2014а).

По справедливому замечанию А.Г. Франка, перемещение «центра мира» – колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии» (Frank, 1998: 1). Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что, начиная с XII в. н.э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия, центром торгового, экономического, и даже индустриального прогресса (до XV века) была Азия‡. Крупнейшие империи которой значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния (Frank, 1998: 123-127). Уже в XI в. уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV в. в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII столетия. Это была, полагают исследователи, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров.

Тем не менее, в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза основам сплачивающим социумы традиционным мировоззрению и культуре, с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI в. глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй центральной и юго-восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, не взирая на

* Оксидентализм – обратная сторона ориентализма: концепция, приписывающая Западу отрицательные черты, якобы не свойственные высокодуховным и коллективистским восточным культурам.

† Именно так – «Белые мифологии. Сочинение истории и Запад» – называется обобщающий труд по ориентализму А. Янга, в котором он, ссылаясь на Э. Левинаса, обвинил всю западную историографию в «онтологическом империализме» (see: Young, 1990: 14).

‡ Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовали и разветвленная транспортная сеть и развитая финансовая система.

упорное сопротивление возглавляемого Османами «исламского мира», последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы а позже и США, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке, навязав народам этих континентов евроатлантическую модель развития. Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»?

В значительной мере конкретный ответ на этот вопрос зависит от того, удастся ли этим странам, приспособившись к нынешней, в значительной мере скроенной по американским лекалам, вестернизации, выработать собственные, национальные (национально-государственные) формы глобализационных стратегий.

Разумеется, шансов «на равных» войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны национальные формы глобализационных стратегий индустриальных стран, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неоллиберализма. Взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Индия, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того. По мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего, патриоты. ...Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское» (Буров, Федотова, 2007: 18), сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Прочие страны мира скорее приспособляются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается успешно – как, например, у аравийских монархий, у других – например, у стран Тропической Африки к югу от Сахары – не получается совсем. Причины того и другого в меньшей степени связаны с национально-культурными особенностями, в большей – с использованием ресурсов этих стран глобальной экономикой (Гранин, 2013; Гранин, 2014b).

Между тем и по мере нарастания гегемонистских устремлений США и укрепления ШОС все больше вырисовывается перспектива создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три

страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Существуют и более амбициозные проекты, связанные с возможностью присоединения к ШОС Ирана и Малайзии. И поскольку известная нам история – нелинейный процесс структурного усложнения человечества и, одновременно, становления его целостности и единства, реализующийся в череде попыток формирования общего пространства совместной жизни сообществ людей на основе разных форм общежития и разных цивилизационных моделей развития, то может стать, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии».

Литература

- Азроянц, 2002** – Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М.: Новый век, 2002. С. 65, 66, 248, 250.
- Буров, Федотова, 2007** – Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. №5. С. 7-20.
- Валлерстайн, 2003** – Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. 78-82.
- Гранин, 2007** – Гранин Ю.Д. Что такое "глобализация"? // Высшее образование в России. 2007. №10. С. 117-121.
- Гранин, 2013** – Гранин Ю.Д. Глобализация или "вестернизация"? // Свободная мысль. 2013. №1. С. 51-64
- Гранин, 2014a** – Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. №1. С. 90-103.
- Гранин, 2014b** – Гранин Ю.Д. Модернизация России: в колее "зависимого развития" // Вопросы философии. 2014. №4. С. 14-24.
- Иноземцев, 2004** – Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. №4. С. 58.
- Иноземцев, 2008** – Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. №1. С. 31-44.
- Казютинский, 2006** – Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Философские науки. 2006. №7. С. 91-98.
- Кармадонов, 2005** – Кармадонов О.А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии. 2005. №5. С.47-56.
- Пантин, 2003** – Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003.
- Пантин, Лапкин, 2006** – Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования. Дубна: Феникс+, 2006.
- Робертсон, Хондкер, 2004** – Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы о глобализации: предварительные размышления // Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 2004. Ч.1. С. 127-131.
- Саид, 2006** – Саид В. Эдвард. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.
- Синергетика..., 2006** – Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2006. №9. С. 3-33.
- Спикер, 2003** – Спикер Г. Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003.
- Хачатурян, 2002** – Хачатурян В.М. Возможна ли глобальная история? (по материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло. 2002) // Цивилизации. Выпуск 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. С. 235–236.
- Хелд и др., 2004** – Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. М.: Праксис, 2004.
- Чешков, 1999** – Чешков М.А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et contra. 1999. № 4. С. 114-127.
- Чешков, 2005** – Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2005.

Чешков, 2008 – Чешков М.А. Глобальность как базовое понятие глобалистики // Век глобализации. 2008. №2. С. 3-11.

Чумаков, 2012 – Чумаков А.Н. Глобалистика в системе научного знания // Вопросы философии. 2012. №7. С. 3-16.

Frank, 1998 – Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles. 1998. P. 1, 123-127.

Young, 1990 – Young R. White Mythologies. Writing History and the West. London, New York. 1990. p. 14.

References

Azroyants, 2002 – Azroyants E.A. (2002). Globalizatsiya: katastrofa ili put' k razvitiyu? [Globalization: a catastrophe or a path to development?]. M.: Novyi vek, P. 65, 66, 248, 250.

Burov, Fedotova, 2007 – Burov V.G., Fedotova V.G. (2007). Kitaiskii opyt modernizatsii: teoriya i praktika [The chinese experience of modernization: theory and practice]. *Voprosy filosofii*. №5. pp. 7-20.

Cheshkov, 1999 – Cheshkov M.A. (1999). Globalizatsiya: sushchnost', nyneshnyaya faza, perspektivy [Globalization: essence, present phase, prospects]. *Pro et contra*. № 4. pp. 114-127.

Cheshkov, 2005 – Chumakov A.N. (2005). Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira [Globalization. Contours of the whole world]. M.: Prospekt.

Cheshkov, 2008 – Cheshkov M.A. (2008). Global'nost' kak bazovoe ponyatie globalistiki [Globality as a basic concept of globalistics]. *Vek globalizatsii*. №2. pp. 3-11.

Chumakov, 2012 – Chumakov A.N. (2012). Globalistika v sisteme nauchnogo znaniya [Globalistics in the system of scientific knowledge]. *Voprosy filosofii*. №7. pp. 3-16.

Granin, 2007 – Granin Yu.D. (2007). Chto takoe "globalizatsiya"? [What is "globalization"?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 117-121.

Granin, 2013 – Granin Yu.D. (2013). Globalizatsiya ili "vesternizatsiya"? [Globalization or "westernization"?]. *Svobodnaya mysl'*. №1. pp. 51-64

Granin, 2014a – Granin Yu.D. (2014). Globalizatsiya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya [Globalization: the dialectic of historical forms of implementation]. *Vek globalizatsii*. №1. pp. 90-103.

Granin, 2014b – Granin Yu.D. (2014). Modernizatsiya Rossii: v kolee "zavisimogo razvitiya" [Modernization of Russia: in the rut of "dependent development"]. *Voprosy filosofii*. №4. pp. 14-24.

Inozemtsev, 2004 – Inozemtsev V.L. (2004). Vesternizatsiya kak globalizatsiya, i «globalizatsiya» kak amerikanizatsiya [Westernization as a globalization, and "globalization" as an Americanization]. *Voprosy filosofii*. №4. P. 58.

Inozemtsev, 2008 – Inozemtsev V.L. (2008). Sovremennaya globalizatsiya i ee vospriyatie v mire [Modern globalization and its perception in the world]. *Vek globalizatsii*. №1. pp. 31-44.

Karmadonov, 2005 – Karmadonov O.A. (2005). Globalizatsiya i simvolicheskaya vlast' [Globalization and symbolic power]. *Voprosy filosofii*. №5. pp. 47-56.

Kazyutinskii, 2006 – Kazyutinskii V.V. (2006). Epistemologicheskie problemy universal'nogo evolyutsionizma [Epistemological problems of universal evolutionism]. *Filosofskie nauki*. №7. pp. 91-98.

Khachaturyan, 2002 – Khachaturyan V.M. (2002). Vozmozhna li global'naya istoriya? (po materialam dokladov KhIKh Mezhdunarodnogo kongressa istoricheskikh nauk v Oslo. 2002) [Is a global story possible? (based on the reports of the XIX International Congress of Historical Sciences in Oslo, 2002)]. *Tsivilizatsii*. Vypusk 5: Problemy globalistiki i global'noi istorii. M., pp. 235-236.

Kheld i dr., 2004 – Kheld D., Gol'dblatt D., Makgryu E., Perraton Dzh. (2004). Global'nye transformatsii. Politika, ekonomika i kul'tura [Global Transformations. Politics, economics and culture]. Per. s angl. V.V. Sapova i dr. M.: Praksis.

Pantin, 2003 – Pantin V.I. (2003). Tsikly i volny global'noi istorii [Cycles and waves of global histor]. *Globalizatsiya v istoricheskom izmerenii*. M.: Novyi vek.

Pantin, Lapkin, 2006 – Pantin V.I., Lapkin V.V. (2006). *Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya* [Philosophy of historical forecasting]. Dubna: Feniks+.

Robertson, Khondker, 2004 – Robertson R., Khondker Kh. (2004). Diskursy o globalizatsii: predvaritel'nye razmyshleniya [Discourses on globalization: preliminary reflections]. Globalizatsiya: kontury KhKhI veka. Referativnyi sbornik. M.: INION RAN, Ch.I. pp. 127-131.

Said, 2006 – Said V. *Edvard* (2006). Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Russkii mir.

Sinergetika..., 2006 – Sinergetika: perspektivy, problemy, trudnosti (materialy «kruglogo stola») [Synergetics: perspectives, problems, difficulties (materials of the "round table")]. *Voprosy filosofii*. 2006. №9. pp. 3-33.

Spiker, 2003 – Spiker G. (2003). Globalizatsiya i razvitie: perspektivy khristianskoi sotsial'noi doktriny [Globalization and development: perspectives of christian social doctrine]. Globalizatsiya i stolknovenie identichnosti. M.

Vallerstain, 2003 – Vallerstain I. (2003). Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka [End of the familiar world]. Per. s angl. V.L. Inozemtseva. M.: Logos, pp. 78-82.

Frank, 1998 – Frank A.G. (1998). ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles. pp. 1, 123-127.

Young, 1990 – Young R. (1990). White Mythologies. Writing History and the West. London, New York. p. 14.

Глобализация и ее исторические формы. Социально-философская интерпретация

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а,*}

^а Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются социально-философское содержание понятия «глобализация», многообразие исторических форм осуществления глобализации человечества. Одной из последних и наиболее успешных исторических форм глобализации оказалась «евроатлантическая» модель объединения человечества, получившая название «вестернизации». Но будущее глобализации не связано с неизбежной вестернизацией стран «второго» мира. Нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы выработать собственные, культурно иные, формы глобальных стратегий, препятствующие ее распространению в форме «вестернизации».

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, интеграция, империя, модернизация, нация, национализм, национальное государство, социальная философия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)